

А.С. Деленив

**Распространяется
как лесной пожар**

Александра Деленив

**Распространяется
как лесной пожар**

«Автор»

2026

Деленив А.

Распространяется как лесной пожар / А. Деленив — «Автор»,
2026

В государстве Равновесие эмоции — болезнь, а тишина — закон. Гармонизаторы на запястьях граждан глушат любые чувства, превращая жизнь в стерильную пустоту. Семнадцатилетняя Рина, архивариус запрещённых материалов, знает правила и никогда их не нарушает. Пока однажды в подвале хранилища не находит пожелтевшие ноты с пометкой «Абсолютная угроза». Мелодия, которую она решается напеть, не просто пробуждает забытые ощущения — она становится искрой. Искрой, от которой в одночасье вспыхивает весь город. То, что начиналось как тихий шёпот, стремительно превращается в неуправляемый пожар: люди срывают браслеты, выходят на улицы, и освобождённые чувства — ярость, боль, надежда — захлёстывают всех без разбора. Теперь Рине предстоит решить, чем станет её находка: оружием, способным уничтожить бесчеловечную Систему, или последней колыбельной для мира, который не умеет жить без запретов. Потому что лесной пожар не тушат водой. Только встречным огнём.

© Деленив А., 2026

© Автор, 2026

Александра Деленив

Распространяется как лесной пожар

Деленив А.С.

АНТИУТОПИЯ
Распространяется
как лесной пожар

..Музыка призвана рождать пламя в душе...
Людвиг ван Бетховен

Глава 1. Глухота.

Утро всегда начиналось одинаково — с вибрации.

Гармонизатор на левом запястье оживал за секунду до рассвета, посылая в нервы короткий электрический импульс. Не боль. Просто сигнал. Мышцы сами подбрасывали тело Рины, пока сознание еще цеплялось за ошметки недосмотренных, тусклых, как старая пленка, снов.

Она села на кровати, опустила босые ступни на холодный пластик пола. В комнате было тихо. Как в склепе. Как везде.

Гармонизатор работал в фоновом режиме, и Рина знала это по отсутствию чего бы то ни было внутри. Ни раздражения от холодного пола, ни смутной радости от того, что снова видит квадрат окна. Только ровная, выбеленная пустота — как лист бумаги, на котором никогда ничего не писали. Так требовал режим «Социального равновесия».

Она встала, прошла в гигиенический блок. В зеркале мелькнуло лицо: серые глаза, пепельные волосы, стянутые в узел, бледные губы. Стандартное, комфортное лицо гражданина. В углу зеркала, прямо на стекле, бежали строки утреннего протокола: «Уровень серотонина: 2%. Дофамин: 1,3%. Эмоциональный фон: в пределах нормы. Рекомендация: стандартный трудовой день».

В прежние времена, говорили на уроках истории, люди ненавидели понедельники. Теперь никаких понедельников не было — календарь состоял из безымянных рабочих циклов. И все они были одинаково никакими.

Рина натянула униформу архивариуса — серый комбинезон без карманов, мягкие туфли на бесшумной подошве. На завтрак — питательный брикет без вкуса. Вкус вызывал сенсорную стимуляцию, стимуляция рождала предпочтения, предпочтения вели к эмоциям. Эмоции вели к хаосу. Так им объясняли с яслей.

Перед выходом она проверила заряд Гармонизатора. Три зеленых деления. Стабильно. Браслет никогда не снимали — водонепроницаемый, с биометрическим замком, он срастался с кожей почти органически. Тонкая полоска металла и пластика, внутри которой безостановочно шелестел белый шум, глушивший опасные частоты мозга. Рина не помнила, когда слышала мир без него. Скорее всего, никогда.

Дверь квартиры отъехала в сторону с тихим шипением. Коридор жилого блока встретил ее стерильной белизной стен, запахом озона и все той же абсолютной тишиной. Соседи двигались мимо — такие же серые фигуры, с такими же пустыми лицами, с такими же браслетами. Никто не здоровался. Приветствие — социальная эмоция.

Улица встретила Рину привычной геометрией серых коробок и стерильным небом. Ни птиц, ни ветра, ни запаха цветов. Только гул невидимых машин, очищающих воздух, и шаги

прохожих, звучащие в унисон — словно город дышал через один гигантский фильтр. Моно-рельс беззвучно скользил по эстакаде. Никто никуда не спешил. Спешка — тоже эмоция.

Архив «Утилизированных материалов» располагался на окраине Сектора 7, в сером бетонном кубе без окон. Рина работала здесь уже три года — с тех пор, как после школы распределительный алгоритм определил ее сюда. Архивариусом. Хранителем того, что мир Равновесия считал опасным и подлежащим уничтожению.

Она прошла через шлюз, сканирующий Гармонизатор, через лабиринт коридоров с тусклым аварийным освещением. Архив состоял из бесконечных стеллажей, уходящих под потолок. Коробки, папки, контейнеры с маркировкой «Огнеопасно. Эмоциональный резонанс». Здесь хранились обрывки Старого мира, который едва не уничтожил сам себя в пожаре неконтролируемых чувств. Книги. Ноты. Пластинки. Живопись. Все, что могло разбудить в человеке нечто, не вписывающееся в протоколы равновесия.

Работа Рины была проста: сортировать, описывать, помещать в карантинные боксы. От нее требовалась внимательность, но не любопытство. Любопытство каралось коррекцией.

В тот день ей принесли новую партию — ящик, найденный при демонтаже ветхого здания в Мертвом секторе. Обычная процедура: вскрыть, отсортировать, пометить степень опасности. Рина надела перчатки, откинула крышку. Внутри, под слоем желтоватой пыли, лежали бумаги. Старая, почти рассыпающаяся бумага — таких давно не производили.

Она брала по одному листу, сканировала. Стихи. Трактаты по философии. Рукописный дневник с выцветшими чернилами — эмоциональный анализ классифицировал его как «умеренно опасный». А потом ее пальцы наткнулись на нечто иное.

Это была папка из тонкого картона, перевязанная выцветшей лентой. На обложке от руки было выведено: «Гимн Пробуждения. Запрещено к исполнению. Экземпляр №3».

Рина замерла. Гармонизатор на запястье едва заметно потеплел — значит, где-то на периферии сознания шевельнулось то, что браслет считал угрозой. Интерес? Тревога? Она не знала названий этим импульсам. Просто почувствовала легкое, почти неосознанное изменение фона — словно в герметичной комнате на секунду приоткрыли форточку.

Она оглянулась. Коридоры архива были пусты. Камеры наблюдения работали, но архив считался безопасным местом: сюда попадали только проверенные сотрудники, а Гармонизаторы блокировали любое нежелательное воздействие артефактов.

Рина открыла папку.

Внутри лежали ноты. Настоящие, рукописные ноты — с изогнутыми ключами, россыпью черных точек на пяти линейках, с пометками на полях: «*piano*», «*crescendo*», «*confuoso*». Музыка. Она видела такое в учебниках по истории, но никогда не слышала. Музыка была запрещена первой — еще до Великого Уравнивания. Считалось, что звуковые колебания определенной частоты способны разрушить барьер, который Гармонизатор ставит между сознанием и эмоциональным спектром.

Внизу, под нотным станом, были подписаны слова. На древнем, почти забытом языке.

«Восстань из пепла, спящее сердце...»

Рина не поняла смысла. Но пока она смотрела на эти строки, Гармонизатор нагревался все сильнее, почти обжигая кожу. Устройство пыталось компенсировать что-то, что происходило в ее мозгу. Что-то, чему она не знала имени.

Она захлопнула папку. Сердце — мышечный орган, напомнила она себе. Оно не может «спать» или «восставать». Это метафора. А метафора — это ложь, облеченная в красивую форму. Так учили в школе.

Но папку она не выбросила. Не отправила в утилизатор. Вместо этого, сама не понимая, что делает, Рина сунула ее за пояс комбинезона, прикрыв полкой униформы. Абсурдный, бессмысленный поступок. Если ее поймут — коррекция вплоть до четвертого уровня, а это почти

стирание личности. Но она сделала это. И Гармонизатор, странное дело, чуть остыл — словно то, что толкнуло ее на кражу, уже было «погашено» самим действием.

Остаток рабочего дня прошел в тумане. Рина выполняла протокольные действия механически, чувствуя спиной невесомый прямоугольник папки. Устройство молчало. Фон был в норме. И все же что-то изменилось. Как будто в монохромном мире появилась тончайшая трещина, в которую сочился невидимый свет — или тьма.

Дома она долго сидела на краю кровати, глядя на папку, которую положила на стол. Правила предписывали немедленно сдать все незарегистрированные эмоциональные триггеры. Она нарушила правило. Уже одно это должно было вызвать сигнал тревоги, но Гармонизатор молчал. То ли не фиксировал проступок как эмоциональный всплеск, то ли... она не знала.

Вечерний протокол: гигиена, питательный брикет, проверка показателей. Зеленый. Норма. Можно спать. Но Рина не легла. Она смотрела на папку. Пальцы чесались — снова это странное ощущение, почти забытое, словно зуд, идущий не от кожи, а откуда-то глубже. Ей хотелось открыть ее снова. Просто посмотреть. Просто...

Решение пришло само, без участия логики. Рина подошла к двери, активировала замок изнутри. Затем сделала то, чего не делала никогда в сознательной жизни: нажала на браслете скрытую кнопку деактивации. Этому ее научил когда-то отец, до того как его забрали на коррекцию четвертого уровня. «Если когда-нибудь захочешь вспомнить, что ты человек, — сказал он тогда шепотом, в единственный раз сняв браслет при ней, — нажми дважды. Но помни: после этого тебя засекут. У тебя будет не больше десяти минут».

Она нажала дважды.

Мир изменился мгновенно. Белый шум в голове, который она не замечала всю жизнь, исчез. Тишина обрушилась на нее — но это была другая тишина. Не стерильная и глухая, а звенящая, полная возможностей. Как пустой зал перед концертом. Рина впервые услышала тишину по-настоящему. И в этой тишине были звуки: шорох собственного дыхания, стук сердца, едва различимый гул далекого города. И что-то еще — тонкий, высокий звон, словно сам воздух дрожал от напряжения.

Паника накрыла ее. Не та, искусственная, от нарушений протокола, а настоящая, живая, горячая волна, поднимающаяся откуда-то из живота и затопляющая грудь. Хотелось немедленно включить Гармонизатор обратно, вернуться в кокон пустоты. Но она не включила.

Дрожащими руками она открыла папку. Всмотрелась в значки нот, которые ничего ей не говорили. Но под нотами были подписаны слогги. Она никогда не слышала мелодии, но текст можно было прочитать. Рины не учили музыке, но человеческий голос — это просто вибрация связок, решила она. Это не запрещено, если нет мелодии.

Она глубоко вдохнула — и впервые в жизни осознанно издала звук. Не слово, не кашель. Просто звук. Тихий, робкий, дрожащий тон, родившийся в горле и вышедший через губы.

Воздух в комнате словно сгустился. Звук повис в пространстве, и Рина почувствовала, как в центре груди что-то отозвалось. Она попробовала снова — чуть выше, следуя направлению значков на бумаге, как умела. Получалось нечто, отдаленно напоминавшее последовательность. Она не знала, мелодия ли это. Но с каждым новым звуком что-то внутри нее распрямлялось, как сжатая пружина, которую держали годами.

А потом — она не поняла, как это вышло — звуки сложились в простейший мотив. Тот самый, что был нацарапан на пожелтевшей бумаге. «Гимн Пробуждения».

В ту же секунду Рина испытала то, чего не могла вообразить. Ее захлестнула волна чувств — острых, незнакомых, не имеющих названий. Это было похоже на удар тока: восторг пополам с ужасом, свет пополам с болью. По щекам потекло что-то горячее и мокрое — она коснулась пальцами, не понимая. Слезы. Она плакала, сама не зная, почему. Сердце колотилось так, словно хотело вырваться из грудной клетки — «восстань из пепла, спящее сердце». Теперь

она понимала смысл метафоры. Это не ложь. Это правда, которую нельзя объяснить, можно только почувствовать.

В ушах зазвенело. Паника сменилась эйфорией, эйфория — щемящей тоской по чему-то, чего у нее никогда не было. Ей хотелось смеяться, кричать, упасть на колени. Она чувствовала все сразу, и это было невыносимо, и прекрасно, и неправильно.

Где-то в глубине сознания мелькнула мысль: «Тебя засекут».

Рина заставила себя замолчать. Захлопнула рот ладонью, словно боялась, что звук вырвется сам. Тишина упала обратно, но теперь она была наполнена эхом. Мелодия уже не звучала в комнате, но продолжала вибрировать где-то под черепом. Она въелась в память. Теперь Рина знала: эту мелодию действительно невозможно забыть.

Дрожащими пальцами она снова нажала на браслет. Гармонизатор ожил, обдав предплечье холодом активизирующего шума подавления. Мир снова стал серым. Чувства схлынули, словно их отрезало ножом. Накатила спасительная, ненавистная пустота.

Рина упала на кровать, тяжело дыша. Гармонизатор на запястье горел красным — впервые в жизни. Протокол зафиксировал скачок, откат, но, кажется, не вычислил источник. Возможно, ей дадут предупреждение. Возможно, назначат дополнительную коррекцию. Но даже эти мысли не могли заглушить того, что теперь поселилось в ней: воспоминание о звуке.

Она заснула только под утро, сжимая в руке пожелтевший листок с нотами.

А через три квартала от нее, в такой же серой квартире, молодой мужчина внезапно проснулся от того, что ему приснилась музыка. Этого не могло быть — Гармонизатор блокировал сны. Но он явственно помнил мелодию. И, что хуже всего, не мог перестать напевать ее про себя.

Искра упала в сухой лес.

Так начиналась тишина, готовая взорваться.

Глава 2. Крещендо шёпотом.

Кай проснулся от того, что Гармонизатор не сработал.

Это было первое, что он осознал, еще до того, как открыл глаза. Утренний импульс, который должен был выдернуть его из сна ровно в шесть, не пришел. Вместо этого он всплывал из темноты медленно, как пузырь воздуха сквозь толщу воды, и темнота не хотела его отпустить. Она была наполнена странными, вязкими образами, которые он не мог ни ухватить, ни отогнать. Ему снился звук. Не слово, не шум, а что-то протяжное, вибрирующее, похожее на низкую ноту, которая шла не извне, а откуда-то из центра груди.

Он открыл глаза. Серый потолок. Серые стены. Стандартная спальная ячейка, ничем не отличающаяся от тысяч других. Все как обычно. Кроме одного.

Он чувствовал.

Это было настолько неправильно, что Кай замер, боясь пошевелиться. Гармонизатор на запястье тускло мерцал оранжевым — режим ожидания, не активирован. Такое случалось и раньше: его браслет был бракованным с самого начала. Старая модель, списанная из патрульного корпуса, которую выдали по дешевой квоте еще его отцу. Иногда устройство зависало, требовало ручной перезагрузки. Обычно Кай просто ждал, пока белый шум вернется, и мир снова становился стерильно-пресным. Но сегодня что-то пошло иначе.

Сегодня тишина не была тишиной. В ней звенела нота. Та самая — из сна.

Он сел на кровати, провел рукой по лицу. Ладонь ощутила текстуру кожи. Просто кожа, ничего особенного. Но Кай вдруг осознал, что чувствует прикосновение. Не просто фиксирует факт контакта, как учили на уроках биологии — «тактильный сенсорный сигнал», — а именно чувствует. Тепло собственной ладони показалось ему обжигающим, почти невыносимым. Он

отдернул руку, испугавшись этого ощущения, и тут же понял абсурдность своего жеста. Испугался? Он не должен был пугаться. Он вообще ничего не должен был.

Гармонизатор продолжал мерцать оранжевым.

Кай встал, подошел к окну. За прозрачной пластиной — стандартный пейзаж: серые башни жилых секторов, эстакады, бледная полоса рассвета на востоке. Он смотрел на это сотни раз. Но сегодня рассвет был... красивым?

Слово всплыло само, незванное, пугающее. Красота. Эстетическая эмоция. Категория «опасно», уровень три по шкале Равновесия. На уроках разбора эмоциональных патологий им показывали старые изображения: закаты, горы, цветы — и объясняли, что люди прошлого разрушали себя, привязываясь к этим образам, испытывая нерациональные всплески дофамина, которые вели к необдуманным поступкам. Кай помнил тот урок в деталях. Но сейчас, глядя, как серое небо наливается розоватым свечением, он не мог заставить себя отвести взгляд. Что-то внутри него сжималось, расширялось, дрожало — как натянутая струна, по которой провели смычком.

Он встряхнул головой, попытался перезагрузить браслет вручную. Два нажатия, удержание. Устройство завибрировало, оранжевый сменился зеленым. Белый шум хлынул в сознание, как вода в пересохшее русло. Наваждение схлынуло. Рассвет стал просто рассветом. Серым, функциональным, безопасным. Кай выдохнул с облегчением.

Но что-то внутри него успело запомнить. Что-то, что больше не хотело забывать.

Весь день прошел в странном, пограничном состоянии. Гармонизатор работал в штатном режиме, и формально Кай был абсолютно нормален. Он выполнял свои обязанности в техническом отсеке — обслуживал фильтрационные системы жилого блока, сверял показатели, заполнял протоколы. Но краем сознания он постоянно возвращался к утреннему сбою. К этому чувству. К этой ноте, которая все еще звучала под черепом, приглушенная, но не исчезнувшая.

И еще — к Рине.

Он думал о ней чаще, чем допускали протоколы социального взаимодействия. Рина была единственным человеком, с которым он мог говорить почти свободно. Почти — потому что настоящей свободы не существовало. Но когда они оставались вдвоем в старом техническом туннеле под жилым блоком, единственном месте без камер и датчиков, Кай позволял себе роскошь, которая для любого другого гражданина была немыслима: он отключал Гармонизатор.

Ненадолго. На несколько минут. Просто чтобы помнить.

Рина знала о бракованном браслете. Знала о туннеле. Знала даже историю его отца — ученого из расформированного Института нейрорегуляции, который успел передать сыну крамольную мысль: «Равновесие — это не покой, Кай. Это заморозка. А человек не был создан для заморозки». Отца забрали, когда Каю было восемь. Браслет, который он носил сейчас, был отцовским — старая модель, чудом не попавшая в утилизатор. Она глючила, зависала, иногда отключалась сама. И каждый раз Кай говорил себе, что надо подать заявку на замену. И каждый раз не подавал.

К вечеру его терпение лопнуло. Та нота, что звучала в голове, не желала затихать. Она требовала выхода. Кай не знал, что это — интуиция, предчувствие или просто сбой в нейронах, — но он знал, что должен увидеть Рину. Немедленно.

Он нашел ее в техническом туннеле, их обычном месте встречи. Длинная бетонная кишка под жилым блоком, тускло освещенная аварийными лампами, пахнувшая сыростью и старым металлом. Рина сидела на перевернутом ящике из-под фильтров, обхватив колени руками, и смотрела в одну точку перед собой. Когда Кай вошел, она вздрогнула, но, узнав его, не расслабилась. Наоборот — напряглась еще сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.